

Б. Б. Глинский

**Среди литераторов и
ученых**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Б11

Б11 **Б. Б. Глинский**
Среди литераторов и ученых / Б. Б. Глинский – М.: Книга по Требованию,
2022. – 578 с.

ISBN 978-5-458-55606-4

ISBN 978-5-458-55606-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

В. А. Гольцева, С. Н. Кривенко, С. В. Максимова, Н. К. Михайловскаго, М. Л. Песковскаго, С. Н. Тертигореватавы и нѣкоторыхъ другихъ. Со всѣми перечисленными лицами мнѣ случалось въ разные моменты моей жизни приходить въ тѣсное соприкосновеніе, и въ моей памяти сохранилось немало интересныхъ эпизодовъ изъ этихъ встрѣчь. Увы! Сейчасъ я не въ состояніи восполнить этотъ пробѣлъ въ моей литературной дѣятельности и приходится ограничиться изданіемъ лишь того, что уже было въ свое время напечатано, но съ нѣкоторыми измѣненіями, поправками и дополненіями, требуемыми въ значительной мѣрѣ техникой отдѣльнаго издательства. Передъ памятью не вошедшихъ сюда лицъ я остаюсь въ своего рода литературномъ долгу, который, надѣюсь, со временемъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, заплачу.

Особое мѣсто среди настоящихъ очерковъ занимаетъ біографія В. П. Буренина. Критикъ «Новаго Времени» здравствуетъ, и, будемъ надѣяться, будетъ здравствовать еще многіе годы, а поэтому ему, казалось бы, не должно быть отведено мѣсто на страницахъ, посвященныхъ памяти отошедшихъ въ вѣчность. Но я полагаю, что окзаться въ сосѣдствѣ съ послѣдними не такъ ужъ страшно, а въ виду того, что о В. П. Буренинѣ въ нашихъ пособіяхъ для изученія исторіи русской словесности послѣдняго времени преднамѣренно, въ интересахъ партійной политики, почти ничего не говорится или очень мало, то я полагаю, что мой очеркъ здѣсь о немъ не будетъ излишнимъ. «Нововременскій» критикъ-публицистъ много лѣтъ стоялъ на аванпостахъ русской критической литературы, и съ его именемъ связано определенное общественное направленіе, сыгравшее въ отечественной жизни, какъ

это усматривается изъ содержанія самой статьи о немъ, видную роль.

Что касается моего біографическаго очерка объ А. С. Суворинѣ («Историческій Вѣстникъ», 1912, № 9), то я не включилъ его въ настоящую литературную галерею потому, что о немъ со временемъ появится подготавливаемая мною отдѣльная большая работа, гдѣ сказанный очеркъ явится составною частью.

Б. Глинскій.

1-го сентября 1913 года.

Н. О. АННЕНСКІЙ.

Николай Федорович Анненскій былъ личностью интересной, чрезвычайно популярной и любимой въ широкихъ литературныхъ и общественныхъ кругахъ, почему и смерть его вызвала у многихъ чувство горя и глубокаго сожалѣнія. Въ его лицѣ многія общественныя организаціи потеряли безсмыннаго предсѣдателя общихъ собраній, оратора, умѣвшаго сглаживать возникавшія на этихъ собраніяхъ рѣзкости, шероховатости, точно и умѣло формулировать выносимыя резолюціи и вливать въ присутствующихъ поднятое настроеніе и бодрость духа.

Всегда веселый, жизнерадостный, пріятельный, онъ умѣлъ объединять около себя широкіе литературные круги и, какъ общественный дѣятель большаго авторитета, основательныхъ научныхъ познаній и глубокаго житейскаго опыта, Анненскій являлся тѣмъ центромъ, вокругъ котораго всегда кипѣла жизнь, переливаясь пріхотливыми отцвѣтами, съ ихъ разнообразными и реально поставленными вопросами насущнаго дня. Будучи виднымъ представителемъ лѣвой и радикальной фракціи нашей общественности, онъ, благодаря вѣдренной въ него природою широкой гуманности, добротѣ и мягкости характера, не отличался, однако, сектантской непримиримостью, подобно большинству представителей этой фракціи, и всегда находилъ въ себѣ достаточно умѣнья, чтобы отдать должное противнику по взглядамъ, если только усматривалъ въ немъ запасъ принципиальности и проявленіе искренности. Отсюда его популярность и авторитетность. Вся его жизнь отъ молодого сознательнаго возраста до послѣдняго вздоха была собственно благоговѣнное отправленіе революціонной литургіи, которую онъ открыто правилъ, неся изъ этого служенія все вытекавшія отсюда радости и горести. Его жизнеописаніе самымъ тѣснымъ образомъ переплетается со всеми явленіями оппозиціоннаго порядка, которыми полна

отечественная жизнь за послѣдніе полвѣка. Въ литературѣ пока слабо освѣщены практическія выступленія Анненскаго на тернистомъ пути рѣволюціонной дѣятельности. Поскольку онъ былъ лично извѣстенъ автору настоящей статьи, поскольку знакома литература о немъ и его собственное «легальное» писательство, онъ рисуется скорѣе человѣкомъ культурнаго служенія русскому обществу, конечно, опредѣленной марки, служенія, имѣющаго непосредственной задачей благо народное, поскольку онъ могъ здѣсь что-нибудь сдѣлать своимъ литературнымъ перомъ, своей дѣятельностью въ роли выдающагося статистика и предсѣдателя и члена общественныхъ организаций, имѣвшихъ предметомъ своихъ дебатовъ и сужденій интересы народныхъ массъ. Отсюда преобладаніе въ интересѣ ознакомленія съ его жизнеописаніемъ того историческаго фона, на которомъ вырисовывается его личность и та среда, которой онъ былъ виднымъ представителемъ и которая всегда выдвигала его въ передніе ряды и на главенствующее мѣсто въ моменты, когда эта среда заявляла себя практическою дѣятельностью и считала долгомъ подать свой голосъ по вопросамъ политическаго и общественнаго дня.

Какъ свидѣтельствуетъ энциклопедическій словарь Эфрона и Брокгауза (новое изданіе), Николай Федоровичъ Анненскій родился въ 1843 году. Учился онъ въ сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ; позднѣе сдалъ экзамены при петербургскомъ университетѣ на кандидата правъ и при кievскомъ университетѣ на кандидата историко-филологическихъ наукъ. Съ 1867 года по 1873 годъ служилъ въ государственномъ контролѣ при Татариновѣ, съ 1873 года по 1880 годъ въ статистическомъ отдѣленіи министерства путей сообщенія; въ 1876 и 1877 годахъ участвовалъ на статистическихъ съѣздахъ въ Пештѣ и Римѣ. Въ 1880 году былъ высланъ въ Тару (Тобольской губерніи). Съ 1883 по 1887 гг. руководилъ статистическими работами казанскаго губернскаго земства; съ 1887 по 1895 гг. завѣдывалъ статистическимъ отдѣленіемъ нижегородскаго губернскаго земства. Въ Казанской губерніи въ 1883 году имъ была устроена экспедиція для изслѣдованія мѣстностей, особенно пострадавшихъ отъ неурожаяевъ; затѣмъ было произведено оцѣночное изслѣдованіе четырехъ уѣздовъ. Въ Нижегородской губерніи Анненскому удалось довести постановку статистическихъ работъ до высокаго уровня и исполнить мѣстное изслѣдованіе всѣхъ уѣздовъ губерніи, причѣмъ для оцѣночныхъ цѣлей въ значительной степени была использована подворная перепись. Анненскому въ наиболѣе полной мѣрѣ удалось соединить такъ называемые московскій и черниговскій типы земской статистики. Въ оцѣночныхъ работахъ особенно выдавались детальный учетъ землевладѣнія и тщательное опредѣленіе урожайности, въ связи съ почвами и удобреніемъ. Успѣху вторичнаго почвеннаго изслѣдованія помогла дружная совмѣстная работа Анненскаго и выдающагося почвовѣда Н. М. Сибир-

цева. Нижегородское бюро было при Анненскомъ настоящею школою земской статистики. Въ Нижнемъ же, по порученію А. І. Грасса, Анненскій (совмѣстно съ Н. М. Кисляковымъ) разработалъ громадный урожайный матеріалъ, собранный Грассомъ для книги «Страхованіе посѣвовъ» (1892). Для нижегородской интеллигенціи Анненскій, вмѣстѣ съ В. Г. Короленкомъ, служилъ объединяющимъ просвѣтительнымъ центромъ. Въ 1895 году Анненскій переѣхалъ въ Петербургъ. Съ 1896 по 1900 годы завѣдывалъ статистическимъ отдѣломъ петербургской городской управы. Въ 1901 году долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ Финляндію; въ 1902 году возвратился, но въ 1904 году опять былъ принужденъ покинуть Петербургъ и жилъ въ Ревелѣ до осени 1904 года. Былъ въ числѣ лицъ, отправившихся наканунѣ 9-го января 1905 года къ князю Святополкъ-Мирскому, и за это попалъ въ Петропавловскую крѣпость. Анненскій печаталъ статьи въ журналахъ «Дѣло» («Новыя теченія въ экономической наукѣ» и пр.) и «Отечественныя Записки» («Экскурсія дѣльцовъ въ область научныхъ интересовъ» и др., разборы росписей, много замѣтокъ о новыхъ книгахъ), въ газетѣ «Волжскій Вѣстникъ», въ сборникѣ «Вліяніе урожаяевъ» (1897 г.) и въ другихъ изданіяхъ. Съ 1894 года Анненскій помѣщалъ статьи въ «Русскомъ Богатствѣ» и являлся дѣятельнымъ членомъ редакціи этого журнала. Обладая живою, отзывчивою натурою и выдающимся краснорѣчіемъ, Анненскій оказывалъ большое вліяніе на многочисленные круги лицъ, обращающихся къ его содѣйствію въ области статистики и литературы. Очень много работалъ для литературнаго фонда, для союза писателей (1897—1901 годъ), для с.-петербургскаго литературнаго общества, председателемъ котораго состоялъ, для вольнаго экономическаго общества, почетнымъ членомъ котораго онъ состоялъ, а также въ третейскихъ судахъ и судѣ чести по литературнымъ дѣламъ. Въ 1906 году, вмѣстѣ съ В. А. Мякотинымъ, В. В. Пѣшеховымъ и др., основалъ партію народныхъ социалистовъ. Въ «дни свободы» и во время выборныхъ кампаній выступалъ съ огромнымъ успѣхомъ на митингахъ.

Таковъ краткій литературно-общественный послужной списокъ почившаго писателя. Уже изъ сѣглаго обзорѣнія его видно, сколько любопытныхъ жизненныхъ моментовъ широкаго общественнаго значенія онъ собою охватываетъ и сколько интересныхъ страницъ отечественной жизни сюда включено. Тутъ нѣтъ покоя, а наличіе постоянного движенія, смѣна острыхъ моментовъ, съ каждымъ изъ которыхъ тѣсно связаны тѣ или иныя знаменательныя страницы русской жизни и которыя въ сжатой передачѣ фактовъ словаря слабо обнаруживаютъ ихъ внутренній смыслъ.

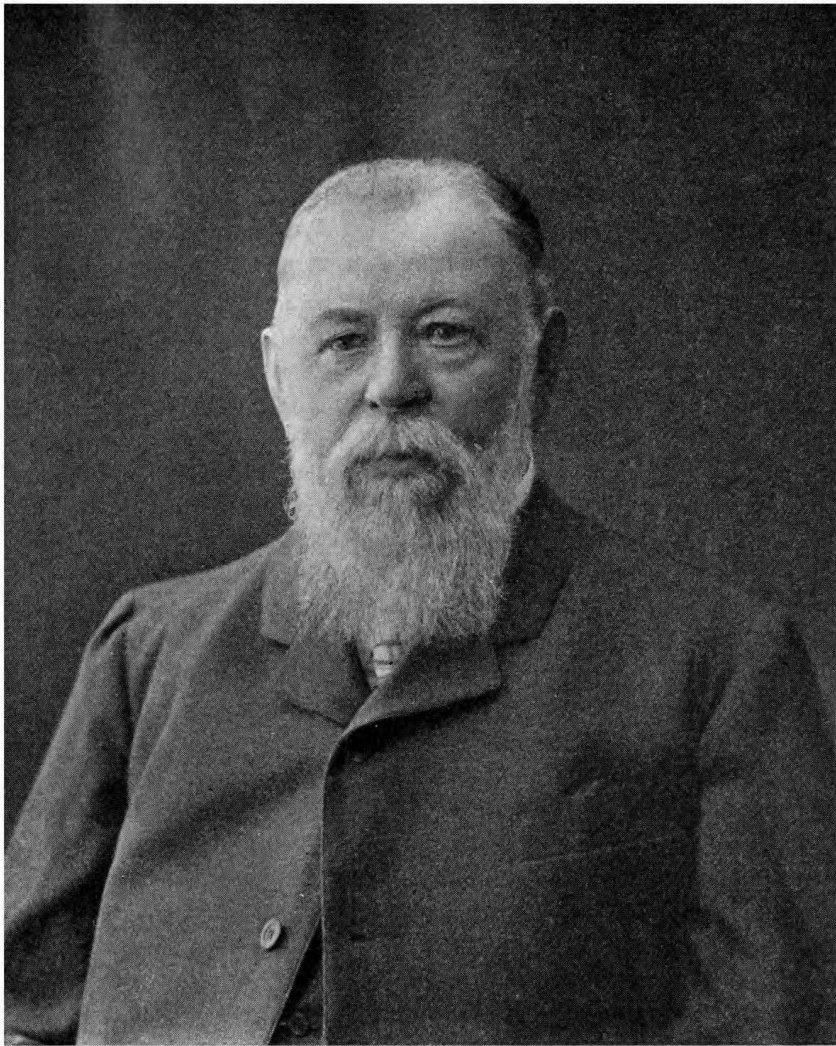
Будучи студентомъ въ шестидесятыхъ годахъ, Анненскій прошелъ испускъ тогдашней тревожной жизни; участвовалъ въ протестѣ противъ введенія матрикуловъ, ходилъ по Невскому со всею толпою къ попечителю

Филипсону, былъ арестованъ и подвергся нѣкоторымъ послѣдствіямъ, вытекшимъ изъ тогдашнихъ демонстрацій. Затѣмъ былъ дѣятельнымъ членомъ всяческихъ кружковъ самообразованія съ ихъ несомнѣнной политической окраской и вообще, повидимому, широкою грудью вдыхалъ въ себя воздухъ, которымъ тогда дышала молодежь и который наполнялъ ея сердца протестомъ. Родственные узы связали его съ извѣстнымъ революціонеромъ Ткачевымъ: онъ примкнулъ къ ученію послѣдняго и такимъ образомъ на зарѣ своей жизни уже примкнулъ къ движенію, явившемуся противовѣсомъ бакунинскимъ теоріямъ, и сталъ сторонникомъ идеи о необходимости политическаго обновленія Россіи, безъ какового обновленія не видѣлъ возможности пересозданія строя на началахъ социалистическаго ученія.

Впослѣдствіи въ статьѣ «Сорокъ лѣтъ назадъ», напечатанной въ сборникѣ «На славномъ посту», посвященномъ Н. К. Михайловскому, Анненскій, рисуя значеніе эпохи шестидесятыхъ годовъ для современнаго тогдашняго поколѣнія людей, такъ формулируетъ исповѣданіе, отсюда почерпнутое. Онъ говоритъ: «Демократической мысли предстояло выдержать трудное испытаніе. Работа должна была пойти вглубь и разобраться во всей сложности новыхъ отношеній и новыхъ формъ жизни. Съ особенной жгучестью задача эта выступила впередъ въ періодъ «семидесятихъ» годовъ. И до сихъ поръ она не можетъ еще считаться вполне исчерпанною. Затѣмъ нашъ ранній демократизмъ былъ нѣсколько одностороненъ и въ другомъ отношеніи. Въ немъ слишкомъ преобладалъ *экономическій* элементъ предъ всѣми остальными. И въ этомъ, несомнѣнно, сказывалось воздѣйствіе условій и обстановки того историческаго момента, когда складывались воззрѣнія представителей этого демократизма. Слишкомъ властно тогда захватывали вниманіе именно экономическіе интересы народа, и предъ ними блѣднѣли всѣ прочіе. Позднѣйшій ходъ жизни показалъ намъ очень ясно и очень больно, что въ ранней формулировкѣ демократической программы было нѣчто недосказанное. Мы не можемъ уже относиться къ «формальной сторонѣ общественныхъ отношеній съ такимъ же равнодушіемъ, какъ люди шестидесятыхъ годовъ. Развитіе демократической программы въ этомъ направленіи является одною изъ существенныхъ задачъ настоящаго».

Вдумываясь въ смыслъ этихъ словъ, сказанныхъ по условіямъ времени «эзоповскимъ языкомъ», мы видимъ, что онъ именно, въ противность многимъ своимъ современникамъ періода шестидесятыхъ—семидесятихъ годовъ, становится на первоочередную сторону «политики», безъ наличія которой, какъ определенной формулы государственнаго бытія, не видитъ возможности осуществленія прочихъ социально-экономическихъ идеаловъ.

По окончаніи двухъ факультетовъ онъ обосновывается въ Петербургѣ, гдѣ сначала проходитъ службу въ государственномъ контролѣ и затѣмъ въ

Николай Федоровичъ Анненскій.

вѣдомствѣ путей сообщенія и специализируется по той отрасли работы, значеніе которой въ виду недодѣланности экономическихъ реформъ шестидесятихъ годовъ стало ясно сознаваться къ тому времени. На этой работѣ онъ прошелъ школу, изъ которой вынесъ своеобразные методы, помогшіе ему нѣсколько времени спустя стать въ первые ряды русскихъ земскихъ и городскихъ статистиковъ, стать авторитетомъ въ этой области и немало поработать практически, въ связи съ общимъ теоретическимъ своимъ

міросозерцанієм во имя блага широких сельскихъ массъ, обездоленныхъ земельными надѣлами.

Состоя на государственной службѣ, Николай Федоровичъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ участіе и въ журналистикѣ, и притомъ той лѣвой ея части, которая, какъ «Отечественныя Записки», «Дѣло» и др., обслуживала оппозиціонныя тенденціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ участвуетъ и во всемъ движеніи семидесятихъ годовъ, именуемомъ «народническимъ», имѣвшемъ своихъ идеологовъ въ нашей литературѣ въ лицѣ Михайловскаго, Глѣба Успенскаго и др. Но участіе въ движеніи народолюбцевъ до наступленія «диктатуры сердца» не приносило ему особеннаго ущерба, и его поведеніе не привлекало къ себѣ косыхъ взглядовъ администраціи. Лишь съ наступленіемъ обильныхъ обысковъ и высылкокъ наканунѣ 1-го марта 1881 года онъ сталъ жертвою этихъ высылкокъ и былъ графомъ Лорисъ-Меликовымъ административно высланъ въ городъ Тару Тобольской губерніи. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ познакомился и сошелся съ извѣстнымъ беллетристомъ В. Г. Короленкомъ, объ руку съ которымъ и протекала послѣдующая его общественная и политическая дѣятельность въ ея главнѣйшихъ моментахъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ періодѣ нашъ беллетристъ въ своихъ предварительныхъ воспоминаніяхъ о своемъ почившемъ другѣ на страницахъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (1912 г., № 13064):

«Познакомился я съ Анненскимъ въ Вышнемъ-Волочкѣ въ тюрьмѣ, когда насъ съ нимъ высылали въ Сибирь. Анненскаго отправляли въ городъ Тару, Тобольской губерніи.

«Вскорѣ оттуда онъ былъ возвращенъ въ Казань. Губернское земство пригласило его завѣдывать статистическимъ бюро. Анненскій усердно принялся за работу. Онъ былъ прирожденный статистикъ. Работа пошла удачно, но вотъ губернаторъ потребовалъ отъ него подписку, чтобы онъ не входилъ въ сношенія съ политическими ссыльными. Анненскій отказался. Губернаторъ выслалъ его въ Свіязскъ, но и оттуда Н. Ф. продолжалъ руководить работами бюро. Въ Нижегородской губерніи Анненскому пришлось работать въ голодный годъ, и вотъ тутъ-то проявилась вся способность этого человѣка примѣнять къ жизни свои богатые теоретическія познанія. Нижегородское статистическое отдѣленіе разслѣдовало всю голодную нужду, дѣлало закупки хлѣба и завѣдывало правильной раздачей провіанта.

«Надъ Анненскимъ тогда смѣялись, говорили:

«— Какія же закупки можетъ дѣлать статистикъ. Онъ способенъ только на теоретическія выкладки.

«Однако вскорѣ всѣ убѣдились, что значить, когда въ такомъ дѣлѣ принимаетъ участіе добрый человѣкъ и прекрасный работникъ. Объ этомъ я писалъ въ своей книгѣ «Въ голодный годъ». Только, конечно, я тамъ

не говорю объ Н. Ө., чтобы не заподозрили меня въ пристрастїи къ другу.

«Обаятельный это былъ человекъ. За какое бы дѣло онъ ни взялся, всюду онъ приносилъ съ собою свѣтъ и любовь. Кто разъ имѣлъ какое-либо дѣло съ Анненскимъ, никогда не могъ его позабыть».

Земская статистика была тою культурною стихїею, въ которой наиболѣе рельефно долженъ былъ обрисоваться и расцвѣсть нравственный обликъ Анненскаго. Для уразумѣнія этого нужно дать себѣ отчетъ, какую роль земскіе статистики сыграли въ русской жизни пореформеннаго періода, въ періодъ политической реакціи восьмидесятыхъ годовъ и въ періодъ преддверія къ «освободительнымъ» днямъ девятисотыхъ годовъ. Въ своихъ любопытныхъ статьяхъ по настоящему предмету, подъ заглавіемъ: «Къ исторїи земскаго движенія въ Россіи», напечатанныхъ на страницахъ «Былого» въ 1907 году и въ историческомъ сборникѣ «Наша Страна», земецъ П. П. Бѣлоконскій такъ обрисовываетъ дѣло. Онъ говоритъ: «Русская интеллигенція представляетъ въ своемъ родѣ исключительное явленіе въ міровой исторїи. Выдѣленная на первой фазѣ своего развитія, главнымъ образомъ, изъ среды землевладѣльческихъ и чиновныхъ классовъ, частью изъ купечества, духовенства и другихъ сословій, она, вырываясь изъ семьи и попадая въ учебное заведеніе, не только теряла всякую связь со своею средою, но вступала съ нею въ борьбу, во имя демократическихъ идеаловъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Долгое время не встрѣчая поддержки въ населеніи, русская интеллигенція, дѣйствительно, была «безпочвенна», какъ ее характеризовали реакціонные элементы, но это не мѣшало ей мужественно и самоотверженно стремиться къ лучшему будущему, будить общество и при всякомъ удобномъ случаѣ отвоевывать шагъ за шагомъ права человека и гражданина.

«Первое учрежденіе, которое дало прїютъ этой разночинной интеллигенціи, а впослѣдствїи, въ лицѣ выдающихся дѣятелей, вступило съ нею въ тѣсную связь—это было земствѣ. Наиболѣе оппозиціоннымъ и энергичнымъ элементомъ изъ земской интеллигенціи долгое время были земскіе статистики. Первыми статистиками были, въ сущности говоря, народники-пропагандисты. Основнымъ требованіемъ земской статистики было мѣстное подворное изслѣдованіе, т.-е. собраніе свѣдѣній непремѣнно отъ самаго населенія, въ мѣстѣ его жительства, въ присущей ему обстановкѣ. Нужно ли говорить, что такое занятіе, позволявшее имѣть непосредственную связь съ народомъ, легально изучать его нужды и, по мѣрѣ возможности, удовлетворять эти нужды самостоятельно или при посредствѣ земства, такое, повторяемъ, занятіе привлекало къ статистикѣ большой процентъ лучшей мыслящей интеллигенціи. При наступленіи реакціи въ какомъ-либо земствѣ она прежде всего отражалась, конечно, на статистикахъ,

на которыхъ тогда же начиналось гоненіе. Тогда статистики перекочевывали въ другія земства, гдѣ условія были имъ благопріятны, а затѣмъ нерѣдко обратно возвращались на мѣсто перваго служенія, когда реакція прекращалась. Словомъ, это былъ настолько приспособленный къ тяжелымъ условіямъ русской жизни элементъ, настолько «обстрѣлянный», самоотверженный и неприхотливый въ своихъ требованіяхъ, что съ нимъ трудно было бороться. Его гоняли съ мѣста на мѣсто, но уничтожить не могли. Немало было земскихъ статистиковъ, которые не разъ исколесили земскую Россію, перебивали чуть не во всѣхъ земствахъ, хладнокровно относясь къ ударамъ судьбы, чувствуя себя какъ дома въ каждомъ земствѣ.

«Помимо описанныхъ качествъ, громадный процентъ статистиковъ особенно въ первое время существованія земской статистики, обладали широкимъ образованіемъ, всестороннимъ развитіемъ и превосходнымъ знаніемъ земскаго дѣла и жизни населенія. Они являлись правою рукою земскихъ управъ, безъ которыхъ послѣднія просто иногда не могли обойтись. Въ виду этого лучшія земства, въ большинствѣ случаевъ, горю стояли за статистику и статистиковъ, мужественно защищая отъ администраціи, которая не выносила земскую статистику, терпя ее какъ допущенное зло и пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы избавиться отъ него.

«Съ развитіемъ земскаго дѣла увеличивается въ земствѣ и другой контингентъ интеллигенціи. Расширеніе медицины повлекло за собою увеличеніе числа врачей, заботы объ улучшеніи сельскаго хозяйства заставили привлечь агрономовъ и ветеринаровъ, наконецъ, развитіе школьнаго дѣла потребовало цѣлой арміи учителей и учительницъ. А такъ какъ земская служба не представляла ни особенныхъ матеріальныхъ выгодъ, ни, тѣмъ болѣе, привилегій въ смыслѣ карьеры, а, наоборотъ, губила эту карьеру,— такъ какъ власти болѣе чѣмъ подозрительно смотрѣли на земскую службу,— то на послѣднюю шли, въ большинствѣ случаевъ, лица, демократически настроенныя и проникнутыя искреннимъ стремленіемъ принести пользу населенію.

«Вся эта земская интеллигенція, этотъ «третій элементъ» постоянно сталкивался на поприщѣ земскаго дѣла, вслѣдствіе чего мало-по-малу образовалась довольно тѣсная связь всѣхъ интеллигентныхъ земскихъ профессій. Кроме того, при посредствѣ земской интеллигенціи земство сближалось съ лучшими представителями науки и литературы. Земскіе агрономы, статистики, врачи пользовались большимъ вниманіемъ выдающихся профессоровъ, которые, симпатизируя земскому дѣлу, готовно оказывали всяческую помощь своимъ бывшимъ воспитанникамъ и нерѣдко принимали горячее участіе въ ихъ работахъ. Въ этомъ отношеніи,—скажемъ здѣсь къ слову,—особенную, можно сказать, историческую, роль, сыграли